

Рождение

Белые простыни напоминают мне бумагу. Они шуршат при малейшем движении, у меня чешется всё тело. Я не люблю ни белые простыни, ни бумагу. От самих этих волокон, от того, как плотная ткань липнет к чувствительной коже, я покрываюсь мурашками. Поэтому я почти ни разу не сомкнула глаз, с тех пор как оказалась здесь.

Моя кожа такая же белая, как простыни, а на ощупь, как это ни смешно, точь-в-точь бумага. Она тонкая и растягивается каким-то странным образом, стоит мне только шелохнуться. Такое ощущение, что она вот-вот пойдёт трещинами. Под ней синеют вены, и я то и дело скребу кожу ногтями, хотя понимаю, что этого делать не надо. Ногти оставляют на коже красные полосы, и лишь усилием воли я сдерживаюсь, чтобы не расцарапать себя до крови. Если бы это произошло, врачи и акушерки стали бы бросать на меня ещё больше косых взглядов, а их я уже почувствовала на себе более чем достаточно.

Медперсонал явно полагает, что со мной что-то не так.

Интересно, заглядывают ли доктора в соседние палаты, где лежат другие женщины, с той же завидной частотой и без предупреждения, как и в мою? Сомневаюсь. Видимо, они только и ждут, что я выкину какой-нибудь фортель. Они донимают меня вопросами, рассматривают моё тело, изучают царапины у меня на запястьях, обмениваясь при этом мрачными взглядами. Они критически высказываются насчёт моего веса, а у меня нету сил объяснить им, что я всегда была такой. Голодом я себя не морю: я худая по жизни и особым аппетитом никогда не отличалась. Бывает, что я не ем несколько дней подряд, даже не замечая до тех пор, пока тело не начинает буквально трясти от голода. Не то чтобы я поступаю так по доброй воле: существуй в этом мире какая-нибудь таблетка, в которой содержались бы все питательные вещества и калории, требующиеся организму в течение дня, я бы не задумываясь её принимала.

Однако я молчу как рыба, стараясь не замечать озадаченного взора и расширенных ноздрей склонившегося надо мной врача. По-моему, никакой симпатии он ко мне не испытывает, — особенно после того, как меня застучали в палате с сигаретой во рту. Все отреагировали так, будто я устроила в их чёртовой больнице пожар. А я всего-навсего распахнула окно и выдохнула в него струю дыма. Я и подумать не могла, что это кто-то вообще заметит, однако внезапно они ворвались в палату — втроём или вчетвером — и заорали, чтобы я потушила сигарету. В отличие от меня, они даже не поняли, насколько это, должно быть, смешно выглядит со стороны, и не улыбнулись, когда я, выбросив сига-

Девушки, которые лгут

рету в окно, словно под дулом пистолета, подняла руки вверх. Меня прямо распирало от смеха.

С тех пор один на один с ребёнком меня не оставляют. И слава богу, потому что к самой себе у меня нет доверия. Так что теперь малышку мне приносят и кладут на грудь, а когда она впивается мне в сосок и принимается сосать, ощущение такое, будто меня пронзает тысяча игл. Ничего общего у себя с существом, лежащим на моей груди, я не нахожу. Слишком крупный нос для такого крошечного лица, а в прядках тёмных волос всё ещё просматриваются сгустки запёкшейся крови. Зрелище не из приятных. Меня передёргивает, когда малышка внезапно прекращает сосать и поднимает взгляд. Смотрит мне прямо в глаза, будто оценивает: вот, значит, какая она, моя мама, — думает она, наверное.

Мы глядим друг на друга. Ресницы у неё тёмные, а под ними — серые, как камень, глаза. Акушерки говорят, что со временем цвет глаз изменится, но я надеюсь на обратное: серый цвет мне всегда казался красивым. Почувствовав, как набегают слёзы, я отворачиваюсь, а когда снова опускаю взгляд, обнаруживаю, что глаза ребёнка по-прежнему прикованы ко мне.

— Прости, — едва слышно шепчу я. — Прости за то, что твоей матерью оказалась я.

Воскресенье

— Не беги так быстро. — Эльма припустила следом, но Александер, будто и не слыша её, нёсся вперёд. Его белокурые, чуть ниже плеч, волосы сияли в лучах декабрьского солнца.

— Попробуй-ка поймать меня, Эльма. — Он бросил через плечо сверкающий взгляд, а в следующий момент, поскользнувшись, растянулся на земле.

— Александер! — подбегая к нему, воскликнула Эльма. Убедившись, что он отделался лишь царапинами на ладонях, она выдохнула: — Ничего страшного. До свадьбы заживёт!

Она помогла ему подняться, стряхивая песок с его ладоней и смахивая слезу, что стекала у него по покрасневшей щеке.

— Поищем красивые ракушки на берегу?

Шмыгнув носом, Александер кивнул:

— И крабов.

— Ну да, может, и крабов найдём.

Александр мигом позабыл о своём падении и, увернувшись от Эльмы, которая хотела взять его за руку, снова сорвался с места.

— Осторожно! — крикнула она ему вслед.

Эльма наблюдала за тем, как, оказавшись на чёрном песке, Александр резко остановился и присел на корточки. Должно быть, что-то привлекло его внимание.

Она неспешно приблизилась к нему, наполняя лёгкие солоноватым морским воздухом. Несмотря на прохладу, солнце светило ярко, а белоснежная пелена, покрывавшая всё вокруг, когда Эльма проснулась в то утро, исчезла. Лёгкий ветерок гнал рябь по воде, и ничто не нарушало тишины. Эльма ослабила шарф и склонилась возле Александра.

— Покажешь, что нашёл?

— Крабью лапку. — Он поднял вверх тоненькую красную конечность.

— Вот это да, — сказала Эльма. — Может, нам положить её в коробочку?

Александр кивнул и с большой осторожностью поместил свою находку в протянутый Эльмой лоток. А в следующий миг он уже снова бежал по песку в поисках очередного сокровища.

Мальчику недавно исполнилось шесть лет, и окружающий мир был для него настоящей сокровищницей со всякими любопытными вещами. Поездки к побережью у мыса Элинархёвди в списке его любимых занятий были довольно высоко, поскольку здесь всегда можно было отыскать что-нибудь интересенькое. В детстве Эльма тоже была любительницей подобных прогулок: брала с собой коробку для ракушек и забывала обо всём на свете, рассматривая песок у себя под ногами в поисках трофеев, выброшенных на берег морскими волнами. Звуки и запахи, что окружали здесь

Эльму, наполняли её удивительным спокойствием: все тревоги и волнения будто растворялись в умиротворяющем пейзаже.

Она смутно помнила легенду о том, откуда возникло название Элинархёвди: вроде как в честь Элин — сестры жившего в Средневековье священника и колдуна Сэмунда Мудрого. Ещё у этой Элин была сестра по имени Хатла, которая обитала на противоположной стороне фьорда. Каждый раз, когда Элин хотелось побеседовать с сестрой, она выходила на мыс и махала платком Хатле, которая присаживалась на расположенный напротив утёс Хётлюбьярг. Эльма собиралась поведать эту легенду Александеру, но как только она его догнала, в кармане ожил её мобильник.

— Эльма... — тяжело дышала в трубку Адальхейдюр.

— Всё в порядке, мама? — спросила Эльма, присаживаясь на большой валун возле Александера.

— Ну да. — Из телефона раздавалось пыхтение, сопровождаемое каким-то шелестом. — Да, я тут достаю гирлянду — собралась, наконец, повесить её. Даже не знаю, почему у меня раньше руки не дошли.

Родители Эльмы имели обыкновение украшать дом к Рождеству слишком много и слишком рано. Вернее сказать, эту миссию брала на себя её мать: не то чтобы отец отлынивал, но Адальхейдюр не оставляла ему шансов ей помочь. Обычно она подгадывала время, когда он был на работе, чтобы ничто и никто не мешал ей развесить яркую мишуру по всему дому.

— Тебе нужна помощь?

— Нет-нет, я сама справлюсь. Я просто подумала... папе ведь через две недели исполняется шестьдесят.

Может, вы с сестрой прокатитесь в Рейкьявик и поищите подарок? Я знаю, что он хочет новые бродни*.

— Ты хочешь, чтобы мы вдвоём съездили? — поморщилась Эльма: они с сестрой никогда не были особенно близки, хотя между ними было всего три года разницы. — Я не знаю, мама...

— Дагни очень бы хотелось, чтобы вы съездили вдвоём.

— А тебе к нам почему бы не присоединиться?

— У меня дел невпроворот, — ответила Адальхейдюр. — Я подумала, что вы могли бы съездить туда в следующие выходные и одним днём управиться. У меня есть подарочный сертификат в спа-салон, которым мы с папой всё никак не воспользуемся, так что можете сходить вместо нас, пока будете в городе.

— Тот сертификат, что я подарила вам на Рождество? — Эльма даже не пыталась скрыть недовольство.

— Вот-вот! Значит, он был от тебя? В любом случае, я буду рада, если по нему ходите вы. Устройте себе сестринскую вылазку.

— Я купила сертификат для вас, мама, чтобы вы с папой себя немного побаловали. Вы же нигде не бываете.

— Ну что ты говоришь! Мы ведь поедem в Прагу весной. У тебя должно получиться...

— То есть дело уже решённое?

— Ну зачем ты так, Эльма?..

Эльма перебила её:

— Шучу. Конечно, я съезжу. Без проблем.

* Бродни — рыболовные штаны, сшитые вместе с сапогом (здесь и далее примечания переводчика).

Засунув мобильник в карман, она двинулась в сторону Александера, который уже успел оказаться у самой кромки воды. Эльма не проводила времени с сестрой один на один уже целую вечность. Периодически она забирала Александера: в первую очередь потому, что он сам звонил Эльме и просил её за ним заехать. В остальном же всё общение сестёр осуществлялось через родителей. Иногда Эльма задавалась вопросом, какими были бы её отношения с Дагни без вмешательства родителей.

— Эльма, смотри, сколько всего я нашёл. — Александер продемонстрировал ей целую пригоршню разноцветных камушков. С каждым годом он всё больше походил на Видара, своего отца: те же тонкие черты лица и голубые глаза, тот же лёгкий характер и мягко-сердечие.

— Какая красота, — похвалила Эльма. — Они наверняка могут исполнять желания.

— Думаешь?

— Уверена.

Александер положил камушки в лоток, который держала Эльма.

— Я тоже так думаю, — сказал мальчик и улыбнулся, показав щелочку, оставленную первым выпавшим зубом. Вытянув руку, он смахнул прядку волос с лица Эльмы.

Та усмехнулась:

— Ох, спасибо, Александер. У меня на голове, наверное, полный беспорядок?

Мальчик кивнул:

— Вообще-то да.

— Так какое желание ты загадаешь? — Эльма выпрямилась, отряхивая с брюк песок.

— Я их отдам тебе, чтобы они твоё желание исполнили.

— Ты уверен? — Эльма взяла племянника за руку, и они направились в сторону машины. — Ты мог бы загадать себе что угодно: космический корабль, подводную лодку, лего...

— Но у меня же это и так всё будет. Я просто напишу список для Деда Мороза. Тебе камушки намного нужнее, потому что подарки он дарит только детям.

— Да, тут с тобой не поспоришь.

Она открыла заднюю дверцу, и Александр забрался в машину.

— Я знаю, что ты загадаешь. — Он серьёзно поглядел на Эльму, которая помогала ему пристегнуться.

— Даже так? Ты умеешь читать чужие мысли?

— Да... Вообще-то нет, но я и так знаю, — ответил Александр. — Тебе нужен такой же мальчик, как я. Мама говорит, что ты поэтому иногда и грустишь: потому, что у тебя нету мальчика.

— Но у меня же есть ты, разве не так? — возразила Эльма, целуя его в макушку. — Зачем мне кто-то другой?

Телефон завибрировал у неё в кармане, прежде чем Александр успел ответить.

— Ты где? — поинтересовался Сайвар. По тому, как хрипло звучал его голос, Эльма поняла, что была права, когда накануне отказалась пойти с ним потанцевать. Периодически в Акранесе* устраивали дискотеки, как, например, вчера, но ни на одном из подобных мероприятий Эльма так пока и не появилась. Ей представлялось, что тогда пришлось бы встретаться с кучей

* Акранес — город, расположенный в заливе Фахсафлоуи примерно в 50 км от Рейкьявика.

людей, с которыми она не общалась годами, и отмахиваться от вопросов, отвечать на которые она не имела ни малейшего желания.

— Я встала пораньше и поехала гулять с племянником, — ответила она. — Ну, а ты как? Оторвался вчера?

Ответом послужил лишь стон Сайвара, что рассмешило Эльму. Ей было прекрасно известно, что он плохо переносит алкоголь и на восстановление ему требуется несколько дней. Несмотря на плотное телосложение, Сайвару хватало пары стопок, чтобы опьянеть.

— Я, вообще-то, звоню не поэтому, хотя рассказать тебе о вчерашнем вечере есть что... — он прочистил горло и добавил более серьёзным тоном: — У нас труп.

Эльма бросила взгляд на Александера, который сидел в машине, рассматривая свои камушки.

— Чего-чего? Где?

— А ты сама-то где? — проигнорировал её вопрос Сайвар. Из мобильного донеслось потрескивание — наверняка помехи на линии.

— На Элинархёвди.

— Заедешь за мной? Думаю, что сам вести не в состоянии ...

— Заеду, — сказала Эльма и отключилась. Убрав телефон в карман куртки, она заняла водительское сиденье, при этом улыбнувшись в зеркало заднего вида Александеру — мальчику, который хотел отдать ей свои чудесные камушки, чтобы она больше не грустила.

Отвезя племянника домой, Эльма доехала до синего многоквартирного дома, в котором жил Сайвар. В отделе уголовного розыска в Акранесе служили всего трое полицейских, и Эльма считала, что ей повезло с таким коллегой, как он. С первого дня между ними

сложились хорошие отношения, в которых всегда находилось место для шутки, несмотря на то что заниматься им приходилось расследованием весьма трагических событий. Хёрдюр, начальник отдела, был человеком гораздо более суровым, но Эльма не жаловалась, поскольку к числу его достоинств относились рассудительность и честность, и работалось ей в отделе хорошо.

Сайвар ждал её у подъезда. Руки он спрятал в карманы и зябко втягивал голову в плечи. Одет он был в светло-серые спортивные штаны и лёгкую чёрную куртку. Его тёмные волосы топорщились на макушке, по тому, как он шурился, было понятно, что дневной свет ему совсем не в радость.

— У тебя уже лето наступило? — полюбопытствовала Эльма, когда Сайвар опустил на пассажирское сиденье.

— Мне никогда не бывает холодно, — сообщил он, коснувшись ледяной ладонью её руки.

— Ай, Сайвар! — отпрянула Эльма, бросив на коллегу сердитый взгляд, а потом покачала головой и прибавила мощность печки.

— Спасибо, — сказал Сайвар. — Знаешь, я когда в окно выглянул, даже не подумал, что на улице такой холод — только увидел, солнце яркое.

— А ты уверен, что ты исландец? Любому исландцу известно: то, что мы видим за окном, это совсем не то, что нас ждёт, стоит только высунуть нос на улицу. Да и меняется погода у нас каждые пятнадцать минут, — выворачивая с парковки, она добавила: — Уже выяснили, кто это?

— Пока нет, но ведь вариантов не так и много, верно?

— То есть?

— Помнишь о той женщине, что пропала весной?